

Чувашский государственный институт гуманитарных наук

ЧУВАШИ И ИХ СОСЕДИ

**Этнокультурный диалог
в пространственно-временном континууме**

Материалы межрегиональной
научно-практической конференции
(г. Чебоксары, 15–16 ноября 2011 г.)

Чебоксары 2012

УДК 39(470)
ВВК 63.52(235)
Ч 82

*Печатается по решению Ученого совета
Чувашского государственного института гуманитарных наук*

**Составитель и ответственный редактор —
доктор исторических наук В.П. Иванов**

**Редакционная коллегия:
И.И. Бойко, Ю.Н. Исаев, Г.Б. Матвеев,
Г.А. Николаев, Л.П. Петров**

**Чуваши и их соседи: этнокультурный диалог в простран-
ственно-временном континууме: материалы межрегиональной
научно-практической конференции (г. Чебоксары, 15–16 но-
ября 2011 г.) / сост. и отв. ред. В.П. Иванов. — Чебоксары:
ЧГИГН, 2012. — 312 с.**

Вниманию читателей представлены материалы межрегиональной научно-практической конференции «Чуваши и их соседи: этнокультурный диалог в пространственно-временном континууме», состоявшейся 15–16 ноября 2011 г. в Чувашском государственном институте гуманитарных наук г. Чебоксары.

В оформлении обложки использована репродукция картины чувашского художника Анатолия Миттова «Хоровод у дерева» (1967–1969).

ISBN 978-5-87677-177-3

© Чувашский государственный институт
гуманитарных наук, 2012
© Авторы публикаций, 2012

ПРЕДИСЛОВИЕ

Процессы многовековых взаимосвязей народов, самой историей обреченных жить по соседству, представляют большой научный и практический интерес и находятся в поле зрения разных научных дисциплин. Конференция «Чуваши и их соседи: этнокультурный диалог в пространственно-временном континууме» была задумана с целью актуализации исследований по проблемам этнокультурного диалога народов. Внимание акцентировалось на особенностях межэтнического взаимодействия чувашей и их соседей — финно-угорских, тюркских народов и русских. Такая постановка проблемы не удивительна, ибо история чувашей складывалась так, что, где бы они ни обитали, всегда оказывались на стыке культур и цивилизаций — на землях, где происходило активное межэтническое взаимодействие, где пересекались миграционные потоки и хозяйственно-торговые связи. Это обстоятельство наложило отпечаток на этническую культуру и язык чувашского народа, обогатило их и придало особую открытость и терпимость его национальному характеру.

Доклады, прозвучавшие на конференции, представили широкий спектр исследований о многогранном характере отражения межэтнических культурных контактов в Средневожско-Приуральском регионе в языке, фольклоре, литературе, искусстве, обрядах и традициях как чувашей, так и их соседей.

В работе конференции приняли участие исследователи из республик Поволжья — Чувашии, Мордовии, Марий Эл, Башкортостана, также из Казахстана. Среди них — историки, этнологи, литературоведы, лингвисты, музыковеды, искусствоведы, научные сотрудники архивов и музеев, культурологи, преподаватели, государственные служащие, общественные деятели. Заседания проходили в четырех

национальности второго родителя, как правило, русского. Такой вариант приводит к потере чувашского языка как родного, знаний по этнической культуре и истории чувашей и т.д. Представители старшего поколения, переселившиеся сюда, будучи детьми, хорошо помнят прежний образ жизни, характерные элементы чувашской одежды, особенности системы питания, жизненный уклад. Можно предположить, что через ряд поколений потомки первых чувашей-переселенцев окончательно изменят самосознание. Об этом свидетельствует исчезновение традиционного костюма, его атрибутов во многих семьях, непопулярность народных кушаний, нефункционирование языка.

С другой стороны, существует связь с родственниками, проживающими в Чувашии и других регионах компактного расселения народа (например, в Тюменской области), в семьях имеются компакт-диски чувашской эстрады и литературы. В сельской библиотеке числится 78 книг на чувашском языке, изданных в разные годы в Чебоксарах. Возможно, подобные попытки сохранения этнокультуры дадут положительные результаты и на некоторое время задержат окончательную смену идентичности и самосознания.

Литература и источники

1. Гаген-Торн Н.И. Женская одежда народов Поволжья. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1960.
2. Иванов В.П. Этническая география чувашского народа. Историческая динамика численности и региональные особенности расселения. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2005.
3. Коровушкин Д.Г. Чуваши Западной Сибири (этнодисперсная группа на современном этапе). Новосибирск: Изд-во Института археологии и этнографии СО РАН, 1997.
4. Коровушкин Д.Г. Чуваши в Западной Сибири: расселение и численность в конце XIX — начале XXI века. Новосибирск: Изд-во Института археологии и этнографии СО РАН, 2009.
5. ПМА — 2012 (Свердловская область, Талицкий район, с. Горбуновское, д. Первуново).
6. Социальная карта Горбуновской управы на 01.01.2012 г.
7. Сухарева И.В. Чуваши Башкортостана в XVII—XIX веках: экономическое развитие и социальная структура. Уфа: Гилем, 2007.
8. Чуваши: этнографическое исследование. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1956. Ч. 1.
9. Ягафова Е.А. Чуваши Урало-Поволжья: история и традиционная культура этнотерриториальных групп (XVII — начало XX вв.). Чебоксары: ЧГИГН, 2007.
10. <http://chuvashiya-map.ru>

Е.И. Исмагилова

РЕКРУТСКИЕ ПЕСНИ В ФОЛЬКЛОРНОЙ ТРАДИЦИИ СИБИРСКИХ ЧУВАШЕЙ

Рекрутские и солдатские песни существуют в чувашском фольклоре уже несколько столетий. Известно, что чувашаи были привлекаемы к военной службе еще в XVII в.: «в течение всего XVII в. они были обязаны во время войн ставить одного ополченца с трех полных ясачных дворов» [6, с. 88]. (Исследователи указывают также на более древние истоки рекрутских песен: «...несомненно, что эти песни восходят к архаичным инициационным обрядам посвящения юношей в мужчины» [3, с. 118].) С 1705 г. — момента введения воинской повинности — условия армейской службы стали еще более тяжелыми и драматичными: молодых мужчин стали забирать в армию почти на пожизненный срок [6, с. 95]. Соответственно, обряд проводов в рекруты *салтака йсатни* и сопровождающие его песни — *салтак ачисен юррисем* (в некоторых регионах чувашские фольклористы зафиксировали народный термин *никрут (некрут) юрри*) бытуют среди чувашей не менее трех столетий. Этот окказиональный (т.е. совершаемый не в строго приуроченное время, а по определенному случаю) ритуал известен и чувашской диаспоре, рассеянной по сибирской земле.

Настоящая работа базируется преимущественно на аудиозаписях рекрутских и отчасти солдатских песен, выполненных в различных местностях Сибирского региона — в Омской, Новосибирской, Кемеровской областях и Красноярском крае — с 2002 по 2009 гг.* Были учтены также опубликованные образцы подобных произведений [1, с. 74; 5, с. 54–55], всего рассматривалось более двадцати песен.

* Оригиналы звукозаписей хранятся в Архиве традиционной музыки Новосибирской государственной консерватории (академии) им. М.И. Глинки.

По рассказам информантов, обряд проводов в рекруты в середине — второй половине XX в. представлял собой следующее. Будущий новобранец, получив повестку из военкомата, объявлял родным и друзьям о своем скором отправлении в армию. За один-два дня до его отъезда устраивались проводы. Вместе с несколькими друзьями молодой человек ездил на тройке лошадей (запряженной иногда с дугой, украшенной платками) по родной деревне или же передвигался пешком, посещая своих родственников, друзей, знакомых — всех, с кем он хотел попрощаться перед уходом в армию. В каждом доме, где принимали призывника, его угощали, поили вином и дарили ему платки или полотенца. В некоторых местах, например в с. Казанка Казачинского района Красноярского края, д. Михайловка Прокопьевского района Кемеровской области, новобранцу давали деньги, символически взаймы, приговаривая при этом: *Уксана каялла улсе килсе пар* — «Отдашь эти деньги по возвращении» (значение этого действия будет охарактеризовано ниже). В день отъезда будущего солдата выходили провожать жители всей деревни. На околице призывник со всеми прощался. Известны случаи своеобразного гадания на деньгах: подбрасывали монету и смотрели, какой стороной она упадет, считалось, что от этого зависит, вернется или не вернется солдат домой. Выпивая перед дорогой, новобранец бросал свой стакан через плечо назад, в сторону деревни, не оборачиваясь при этом. Проводив молодого человека до окраины, родные сажали его на телегу или на машину и отправляли в город. Для большей наглядности приведем рассказы о проводах в армию так, как они звучат в устах самих носителей традиции (описание проводов в армию см. также [5, с 52]):

Слепченко Т.А.: *Солдата, если он призывник, по деревне возят, угощают, к родне там, кто желает, пожалуйста... Дарят платки, вешают на солдата платки, полотенца, особенно женщины-молодки обязательно полотенца дарили. Вот он сидит на коне, с ним люди, друзья его, размахивает он платками. Друзья помогают ему петь, и он тоже поет.*

Леван Р.П.: *В армию провожали, я помню, я солдатские песни [знаю]! Запрягают коней, впереди тройка, на тройке солдат сам, призывник, и друзья его. И платки всякие, со всей деревни собирают и платками машут. А сзади еще друзья едут. Тут родственники или друзья... едут по деревне, кому надо, тот*

ворота открывает — угостить этих молодых людей, призывника и друзей его. Угощают — они опять поехали. Долго не пьют. Пьют, в другую хату заезжают. Платками машет сам солдат. Платки собирают по домам... по бокам держит... и машет. И поет солдатские песни. Много таких песен было...

Антипов И.А.: *Вот завтра в армию провожать надо — [призывник] людей зовет. Угощает. И потом своя родня провожает его. Вся деревня выходит, [идут] до поскотины. Там останоятся. Там... пиво берут, водки; деньги кидают вверх, смотрят — как упадет.*

Сергеева В.Ф.: *В солдата повестку дают. Потом, вечером, он дружков собирает: меня, мол, такого-то числа в армию берут, ко мне приходите в гости. И вся родня собирается провожать. Днем еще начинают с повесткой, коня запрягают. А родные всегда полотенца дают.*

Петрова А.М.: *Девчонки платки свои самые красивые дают, дугу наряжают, а он с ребятами в середине, его держат друзья по бокам, и кучер там, они по деревне ездят, песни поют тоже.*

Сергеева В.Ф.: *В сорок девятом брата провожали так. А больше — не помню.*

Петрова А.М.: *Назавтра в район отправляют. И вся деревня выходит на околицу провожать этого парня. И стаканы кидают назад, солдат идет, выпьет, бросает назад и не смотрит, обратно чтоб вернуться.*

Вероятно, в более позднее время (во второй половине XX в.) обычай обхода домов трансформировался в общедеревенское застолье. Об этом красочно рассказала **Дмитриева Л.П.:**

Пели песни во время проводов в солдаты. Как в армию идти, назначается день, например, третьего мая Коля наш ушел. Приглашаем всю деревню, тот, кто уходит в армию, сам с друзьями приглашает. Назначает, во сколько приходит, собратъся. Вот все приходят. Как зайдет в дом, его хлебом-солью встречают, угощают и парни (так говорят) — полотенце вот это белое — [вешают на парня]. Потом гуляют до упаду!.. Льетса пиво чувашское, столы, зимой в избе, летом, весной на улице собирают. А народу уйма. Молодежи уйма. С чужих деревень еще... Три-четыре дня гуляешь. Утром [на следующий день] его провожают... Машина подъезжает, сразу забирает, а народ гулет. Девчонки, молодежь едут провожать на машине, до Муром-

цева [районный центр. — Е.И.] проводят, потом все за стол и опять пошло. Пьянка до упаду! Три, четыре дня гуляют, пока все не выпьют.

Описанный ритуал проводов в армию существовал у сибирских чувашей до 1960–1970-х гг. В отдельных местах этот обычай демонстрирует редкую живучесть, как, например, в с. Казанка Казачинского района Красноярского края, где он бытовал вплоть до начала 1990-х гг.

Можно обнаружить ряд архаических черт, сохранившихся в современном обряде проводов в армию. К ним относятся гадание с помощью монет*, запрет оглядываться назад во время прощания на краю деревни (иначе, как считалось, солдат может не вернуться домой), а также одаривание платками, полотенцами или деньгами. Символический смысл этого обычая заключается в том, что солдат, получив эти подарки, должен живым и невредимым возвратиться домой из армии, чтобы иметь возможность отдать все эти вещи обратно.

Во время обхода домов будущий солдат и его друзья пели соответствующие данной ситуации прощания песни. Притом все известные нам на сегодняшний день по записям рекрутские песни были исполнены женщинами, хотя традиционно эти песни пели парни [3, с. 117]. В качестве исключения был упомянут случай, запомнившийся носителям традиции со времен Великой Отечественной войны, когда в армию из с. Казанка были мобилизованы две девушки. Эти девушки перед отъездом на фронт также ходили по деревне и пели рекрутские песни. Примечательно, что песни, исполняемые во время проводов солдата в армию, сибирские чувашки, как правило, называют *солдатские песни — салтак юрри*, так же как и просто песни с солдатской тематикой. Понятие же *рекрутские песни — никрут (некрут) юрри* на территории Сибири не фиксировалось.

Репертуар поющихся во время проводов в армию песен ко второй половине XX в. сложился достаточно пестрый. Прежде всего это старинные чувашские песни, звучащие с традиционными текстами и формульными напевами. Кроме них, пелись песни с более поздними, нередко заимствован-

* Известно, что ещё в дореволюционной России среди чувашей было распространено гадание с помощью монет во время сбора будущих рекрутов для прохождения ими медицинской комиссии [4, с. 356].

ными сюжетами и мелодиями. Наконец, могли исполняться русские песни XX в., в том числе «Как родная меня мать провожала», или же современные эстрадные песни. Пение традиционных песен часто сопровождалось гармошечными наигрышами.

В содержании первой группы песен преобладают мотивы расставания, прощания, предстоящей разлуки, тоски по родному дому и родным людям. Подобные эмоциональные состояния зачастую выражаются с помощью образно-смыслового параллелизма. Например: *Самовар кипит не без воды, а с водой. Душа волнуется у меня не от радости, а от печали*. Или: *У пестрой курицы, ай, цыплята разбежались по огородам. Мы теперь уходим очень далеко, до отъезда успеете увидеть нас* [5, с. 54]. Особое место в образной сфере рассматриваемых текстов занимает мотив разлуки с любимой девушкой. Во многих рекрутских песнях звучат слова, подобные нижеследующим: *Дорога гладкая, как асфальт, но мы не будем по ней ходить. Девочки красивые, но мы не сможем их любить; Плачь, плачь, моя любимая. Если ты не будешь плакать, то ты не моя любимая; Остаешься, остаешься, Марина. Уезжаю, уезжаю, Марина*.

Некоторые тексты содержат в себе отражение времени их создания. К примеру, следующий текст, вероятно, относится к 1930-м гг.: *На весы влезайте быстро, чтобы взвеситься. Добровольно пожелайте [идти в армию], чтобы Ворошилов радовался*.

Среди песен второй группы по своей известности и распространенности выделяется песня «Сеҫен хирте, сад пахчинче». Эта солдатская по содержанию песня, очевидно, уже в XX в. стала приуроченной к обряду проводов в солдаты. Текстовой основой песни послужила русская песня поздней традиции «Черный ворон, что ты вьешься...», переложенная на чувашский язык. Можно предположить, что проникновение подобного произведения в чувашскую песенную традицию произошло именно вследствие нового звукового опыта, полученного солдатами-чувашами во время службы в армии еще в дореволюционный период. Некоторые носители традиции четко сознают различие между этими заимствованными песнями и исконно чувашскими. Например, одна из самых пожилых и опытных исполнительниц — Т.А. Слепченко — охарактеризовала ее как «современную» песню.

Для получения представления о музыкальной составляющей песен, сопровождавших обряд проводов в солдаты, далее приведем анализ трех песенных образцов. Два из них относятся к традиционным чувашским песням и к двум разным диалектам — *анатри* (низовые чуваша) и *вирьял* (верховые чуваша), третий — уже упомянутая песня позднего происхождения «*Сеҫен хирте, сад пахчинче*».

Пример 1*

$\text{♩} = 90$

Сик_се _ ех вё _ рет сә _ ма _ вар та,
Сик_се _ ех вё _ рет сә _ ма _ вар,
Кәм_рәк_сәр мар вәл, кәм_рәк _ па;

$\text{♩} = 95$

Сик_се _ ех ту _ хать ма _ нан чун та,
Сик_се _ ех ту _ хать ма _ нан чун.
Ху _ йәх_сәр мар вәл, ху _ йәх _ па.

Сиксеех вёрет сәмавар та,
Сиксеех вёрет сәмавар.
Кәмрәксәр мар, кәмрәкпа.
Сиксеех тухать манән чун та,
Сиксеех тухать манән чун,
Хуйәхсәр мар вәл, хуйәхпа.

«Кипит самовар, вода в нем бурлит.
Кипит самовар, вода в нем бурлит.
Не без угля он, с углем.
Моя душа волнуется, бурлит,
Моя душа волнуется, бурлит,
Не без горя она, с горем»*.

* Расшифровка и перевод стихотворных текстов выполнены Е.В. Федотовой.

Структуру напева первого образца, записанного от Е.Е. Никитиной — представительницы низового чувашского диалекта, можно определить как простую трехстрочную строфу АВВ [2, с. 24; 3, с. 103]; вся песня состоит из двух строф (см. пример 1). Мелострока и версострока [2, с. 18] соотносятся как АВВ-ААВ, таким образом, обновление в словесном тексте и в мелодии происходит несинхронно (текст первой строки, повторяемый с новой для него мелодией второй строки и уже прозвучавшая мелодия второй строки с новым текстом в третьей строке), что придает своеобразный причудливый колорит всей песне.

Стиховая организация строк — силлабическая, строки многослоговые (5+4, 5+3), это стих низовых чувашей *анатри*. Ритмическая организация напева является квантитативной, строки состоят из четырех ритмических ячеек. В первой строке преобладают трехвременные двухслоговые ритмические ячейки, во второй и третьей строках чередуются трех- и двухвременные одно- и двухслоговые ячейки. Ритмическую формулу первой строфы (вторая ей идентична) можно изобразить следующим образом: 3333+3221/32+3221/32*.

Мелодия звучит в характерном для чувашской традиционной музыки пентатонном ладу, по структуре это наиболее распространенный пентатонный звукоряд *d-degah* [3, с. 95], единожды встречающийся звук *gis* явно случаен и связан с не очень устойчивым интонированием пожилой исполнительницы. Почти весь звукоряд напева (за исключением редко встречающегося звука *cis*) показан сразу, в первой же мелодической фразе. При основном опорном тоне *e* на роль побочной опоры претендуют звуки *a* и *h* (особенно это заметно в начальных полустроках второй и третьей строк). Мелодику рассматриваемого образца по взаимоотношению текста и напева можно определить как не строго слоговую, поскольку при преобладающей координации «один слог — один звук» присутствуют краткие двузвучные распевы. Завершая анализ образца, укажем, что подобные напевы ко-

* Цифрами отражена временная продолжительность ячеек, которая была вычислена из расчета 1 — восьмая, 2 — четверть, 3 — четверть с точкой, 4 — половинная и т.д. Знак «/» указывает на окончание слоговой группы внутри строки.

личественно преобладают среди рекрутских песен, бытующих у сибирских чувашей.

Второй рассматриваемый нами образец, записанный от Р.П. Леван (вероятно, представительницы верховых чувашей), по ряду параметров отличен от первого. Композиция этой песни представляет собой четырехстрочную строфу, в которой словесный текст развивается по сквозному принципу — ABCD, в напеве же трижды вариантно повторяется вторая строка — ABB'В'' (см. пример 2). Восьмисложные строки содержат по четыре ритмические ячейки каждая (строка типа «такмак»), все строки одинаковы по своему ритмическому строению и содержат по три трехвременные двухсложные ячейки и замыкающую каждую строку четырехвременную ячейку (3334). Присутствует также явление «ямбизации» — укорачивание нечетных тонов и удлинение четных, свойственное ритмике верховых чувашей [3, с. 106].

Пример 2

Музыкальный пример 2, состоящий из четырех строк нотной записи с текстом на чувашском языке. Каждая строка имеет свое темповое обозначение: первая — $\text{♩} = 115$, вторая — $\text{♩} = 103$, третья — $\text{♩} = 99$. Музыка записана в тональности с двумя flats (B-flat, E-flat) и ритме 3/4. Каждая строка содержит по четыре ритмические ячейки, соответствующие схеме 3334.

Пилеш ларать ай хёп-хёрлэ —
 Си ма тарсан ай пит йу-сё.
 Салтак ячё пит сямал та,
 Кайма тарсан питех йывар.

«Рябина стоит, ай, вся красная.
 Есть станешь — ай, очень горькая.
 Стать призывником очень легко.
 Станешь уходить — очень трудно».

Ладозвукорядная основа этого образца та же, что и в первом примере — пентагонный звукоряд *d*. Строгую пентатонику «нарушает» звук *c*, эпизодически встречающийся как вводный звук к побочной опоре *des*. Соотношение основной и побочной опор квартовое (соответственно звуки *AS* и *des*). Широкие кварто-квинтовые скачки в первой строке уравниваются более плавным нисходящим движением в объеме квинты *es-AS* в последующих строках. Исполнительскую манеру отличает определенное своеобразие: исходящие глissандо, внеметрические удлинения и укорачивания длительностей, подчеркивание акцентами начальных интонаций каждой строки, что придает характеру исполнения определенную декламационность, усиливающуюся к концу песни. Укажем, что подобные напевы, записанные от чувашей-вирыял, фиксировались в Сибири крайне редко и представлены единичными образцами.

В основе напева песни «Сёсен хирте, сад пахчинче» лежит мелодия известной солдатской песни «Черный ворон, друг ты мой любезный», являющейся народной интерпретацией стихотворения поэта второй половины XIX в. П.А. Козлова «Знаю, ворон, твой обычай» и близкой по тематике и среде бытования к песне «Черный ворон, что ты вешься...». Композиция этого произведения строфическая, что свойственно большинству песен литературного происхождения; в данном случае это двухстрочная строфа, при этом вторая строка в отношении текста и мелодии практически точно повторяет первую (см. пример 3). Роль повтора велика для напева этого образца в целом, поскольку мелодические строки звучат на протяжении всей достаточно продолжительной песни (семь строф) практически без изменений.

В первой половине каждой строки преобладает движение ровными четвертями, словно воссоздающими ритм маршевого шага. О двигательной природе свидетельствует и четырехдольная метрическая основа напева. Во второй половине строки мелодическое движение несколько учащается в результате появления восьмых длительностей, четырехдольность превращается в шестидольность из-за более протяженного начального звука *f* (четверть с точкой) и завершающего строку распева. Моторная природа напева при этом сохраняется вследствие присутствующей в его метрической организации двудольности.

Пример 3

$\text{♩} = 60$

Се_цен хир_те, сад пах_чин_че,
А_ман_на сал_так выр_тать,
Се_цен хир_те, сад пах_чин_че,
А_ман_на сал_так выр_тать.
Ун как_ри_не штык_па штар_на,
Юн_ла тут_ри ал_лин_че,
Ун как_ри_не штык_па штар_на,
Юн_ла тут_ри ал_лин_че.

* Каждая строка повторяется дважды.

Сецен хирте, сад пахчинче,
аманна салтак выртать.
Ун какрине штыкла штарна,
юлла тутри аллинче.
Салтак юне шаршипеле
весе анчеш кураксем.
Ан кил, курак, ан кил, курак,
епе хале вилмен-ха.
Часрах весе кайса
калар аттепе аннене.
Манран юлла
тур лашине
ыгла йывар ан тийер.
Манран юлла
чун савнине
йывар самах ан калар.

«В чистом поле, в саду,
раненый солдат лежит.
Его грудь пронзена штыком,
В руке окровавленный платок.
На запах крови солдата
слетелись вороны.
Не лети, ворон, не лети, ворон,
я еще не умер.
Быстрее летите,
скажите отцу и матери,
Чтобы на гнедого,
оставшегося от меня,
слишком тяжело не нагружали.
Чтобы не говорили слова,
от которых тяжело на душе,
девушке, оставшейся от меня».

Ладозвукорядная основа рассматриваемого напева — параллельно-переменный лад *f-d*. Ладовый контур напева четко обозначен в первых же двух тактах посредством показа обоих опорных тонов и квартовых интонаций, следующих за ними. Эти квартовые скачки начальных фраз частично заполнены нисходящим поступенным движением в объеме кварты *f-c* во второй половине строки. Заметим также, что мелодия известного песенного первоисточника в рассматриваемом образце хорошо узнается.

В имеющейся у нас записи песни исполняется двумя исполнительницами, которые поют преимущественно в унисон. Изредка в музыкальной ткани все же возникают гетерофонные «узелки» — голоса расходятся в кварту, квинту, секунду. Появление этих разнозвучий возникает как следствие того, что одна исполнительница устойчиво держится основного голоса напева, другая же старается несколько разнообразить его с помощью двузвучных распевов.

Завершая рассмотрение бытования рекрутских песен, записанных от сибирских чувашей, укажем на определенную сохранность данного жанра обрядового фольклора. Вероятно, это обусловлено тем, что песни, сопровождавшие обряд проводов в солдаты, не утратили своей актуальности на протяжении почти всего XX в. Охарактеризованные нами образцы традиционных рекрутских песен свидетельствуют о сохранности ряда наиболее устойчивых закономерностей

обрядовой песенности чувашей. К ним относятся пентатонная ладовая система, квантитативная ритмика со своими, присущими чувашской традиционной музыке особенностями, четкие строфические формы. Выявленные в рассмотренных песнях черты свидетельствуют о стабильности основных параметров интонационной культуры чувашей и о высоком уровне структурной организации чувашской народной музыки. При этом музыкальный фольклор сибирских чувашей проявляет себя как живая, развивающаяся традиция, способная принять в себя и адаптировать (даже просто переводом текста на чувашский язык) произведения из другой фольклорной традиции (пример тому — приведенная в статье песня «Şeşen хирте, сад пахчинче»). Для того, чтобы выявить динамику изменений и проследить жизнь чувашских песен за пределами материковой территории, необходимо предпринять сравнение сибирских образцов с подобными им песнями, бытующими в местах территории выхода предков современных чувашских исполнителей-сибиряков. Эта задача представляется нам перспективной для будущего исследования фольклорной традиции чувашей Сибири.

Список информантов

1. Антипов И.А. — Иван Алексеевич Антипов, чуваш, 1932 г.р. Родился в д. Кирилловка Северного района Новосибирской области (отец из Чувашии, мать из д. Медвежинка Северного района Новосибирской области). Записано в 2003 г. в д. Алешинка Северного района.
2. Голубева М.Н. — Мария Николаевна Голубева, чувашка, 1932 г. р. Родилась в д. Алешинка Северного района Новосибирской области (родители из Чувашии: мать из д. Чубаево, отец из д. Кашаки). Записано в 2002 г. в д. Чуваши Северного района.
3. Дмитриева Л.П. — Лидия Петровна Дмитриева (Токсова), чувашка, 1937 г.р. Родилась в Чувашии (родители из Ядринского района Чувашии: мать из д. Малый Сундырь Ядринского района, отец из д. Николаевка), в 1937 г. была привезена в д. Казанка Муромцевского района Омской области. Записано в 2008 г. в с. Казанка.
4. Леван Р.П. — Раиса Петровна Леван (Янеева), чувашка, 1937 г.р. Родилась в д. Казанка Муромцевского р-на Омской области (мать из д. Ержаковка Кыштовского района Новосибирской области). Записано в 2008 г. в д. Кондратьево Муромцевского района Омской области.

5. Никитина Е.Е. — Екатерина Егоровна Никитина (Егорова), чувашка, 1923 г.р. Родилась в с. Казанка Казачинского района Красноярского края (родители из Янтиковского района Чувашии). Записано в 2009 г. в с. Казанка

6. Петрова А.М. — Александра Митрофановна Петрова (Еразмова), чувашка, 1944 г.р. Родилась в 1941 г. в д. Нижние Багасы Ибресинского района Чувашской республики, в 1960 г. приехала в Казачинский район Красноярского края. Записано в 2009 г. в с. Рождественское Казачинского района.

7. Петрова Е.И. — Елизавета Ивановна Петрова, чувашка, 1947 г.р. Родилась в д. Алешинка Северного района Новосибирской области (родители приехали из Чувашии в 1920-е гг.). Записано в 2002 г. в д. Чуваши Северного района.

8. Сергеева В.Ф. — Вера Федоровна Сергеева (Васильева), чувашка, 1934 г.р. Родилась в Красноармейском районе Чувашской республики, в Сибирь была привезена в 1935 г., жила в д. Живой Ключ Казачинского района Красноярского края. Записано в 2009 г. в с. Рождественское Казачинского района.

9. Слещенко Т.А. — Татьяна Акимовна Слещенко (Ястребова), чувашка, 1925 г.р. Родилась в д. Прибеленка Северного района Новосибирской области, родители в начале XX в. приехали в Сибирь из Чувашии (отец — чуваш, мать — крещеная казанская татарка). Записано в 2009 г. в д. Алешинка Северного района.

Литература и примечания

1. Андреева М.М. Чувашский фольклор // Музыкальная культура Сибири: в 3 т. Т. 1: Традиционная музыкальная культура народов Сибири. Кн. 2. Традиционная культура сибирских переселенцев. Новосибирск: Новосиб. гос. консерватория им. М.И. Глинки, 1997. С. 69–77.
2. Кондратьев М.Г. Многослоговой стих низовых чувашей в его взаимодействии с музыкальной формой // О чувашском искусстве. Чебоксары, 1977. С. 3–37. (Труды ЧНИИ; вып. 75).
3. Кондратьев М.Г. Чувашская музыка: от мифологических времен до становления современного профессионализма. М.: ПЕР СЭ, 2007.
4. Никольский Н.В. Взгляд чуваш на воинскую повинность // Собрание сочинений. Т. 1: Труды по этнографии и фольклору чувашского народа. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2004. С. 355–367.
5. Татаринова А.Д. Люди и песни Михайловки // Сибирская этномузыкалогическая экспедиция: сравнительное изучение процессов трансформации в интонационных культурах народов Сибири и Непала. Новосибирск, 2009. С. 49–54. (Полевые исследования — 2007; вып. 1).
6. Чуваши: история и культура. Т. 1 / отв. ред. В.П. Иванов. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2009.